

Петр Филиппович Якубович

В мире отверженных

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Я49

Я49 **Якубович П.**
В мире отверженных: Том 1 / Петр Филиппович Якубович – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 388 с.

ISBN 978-5-521-39656-6

ISBN 978-5-521-39656-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ше сорока лѣтъ. На свиданіяхъ со мною она старалась казаться по прежнему веселой и бодрой: наивная душа, она думала ободрить меня этимъ! Но я не могъ не видѣть ея опухшихъ отъ слезъ и покрасѣвшихъ глазъ, не могъ не улавливать по временамъ глубокой, глубокой грусти въ ея ласкающемъ взглядѣ, не могъ не догадываться, что она неустанно хлопочетъ—обиваетъ пороги, кланяется, молить, плачетъ...

Ахъ, проклятые, проклятые дни!.. Сколько высосали вы крови изъ сердца, сколько влили въ него яда, сколько отняли лучшихъ силъ... Мимо, мимо! Не хочу вспоминать... Одно скажу: страшно было послѣднее свиданіе съ матерью. Въ тюремныхъ снахъ я часто испытывалъ кошмары, но ни одинъ изъ нихъ никогда не могъ сравниться съ болью и ужасомъ нашего прощанья!..

Разстались мы часа въ три дня, а въ шесть, какъ объявилъ мнѣ смотритель, должны были заковать меня и орбить. Помню, какъ сейчасъ, что я тогда испытывалъ. Кандаловъ я до тѣхъ поръ не видалъ, какъ не видалъ и бритыхъ головъ; изъ книжныхъ описаній тоже могъ составить лишь слабое понятіе по той простой причинѣ, что не имѣлъ надобности и охоты вникать въ нихъ. Все это я представлялъ себѣ совсѣмъ иначе и. нужно сознаться, гораздо хуже. Мнѣ почему-то казалось, на примѣръ, что когда закуютъ въ кандалы, уже нельзя будетъ свободно двигаться, и потому я спѣшилъ насладиться послѣдними минутами свободы, торопливо расхаживая по своей маленькой клѣткѣ, позволявшей дѣлать всего три шага въ одинъ конецъ. И вотъ наступила роковая минута: меня повели въ баню—и тамъ ошельмовали: обрили гладко-на-гладко ровно половину головы (правую половину въ продольномъ направленіи) и заковали крѣпко-на-крѣпко въ десятифунтовые кандалы съ желѣзными кольцами, такъ тѣсно обнимавшими щиколку ноги, что съ трудомъ проходило между ними и тѣломъ нижнее бѣлье. Черезъ нѣсколько дней у меня распухли ноги, такъ что принуждены были перековать меня въ болѣе просторныя и легкія оковы. Впослѣдствіи я убѣдился, что въ Сибири, особенно восточной, начальство въ этомъ отношеніи снисходительнѣе: и на кандалы, и на бритые тамъ склонны глядѣть, какъ на устарѣлую и ни къ чему ненужную формальность. Партія сплошь и рядомъ идутъ раскованныя, держа кандалы въ мѣшкахъ вмѣстѣ съ прочими казенными вещами; головы брѣются тоже безъ особеннаго педантизма, а въ каторжныхъ тюрьмахъ

часто и вовсе не брѣются. Не то въ Россіи и въ Западной Сибири. Давно, кажется, пора бы понять, что никогда и никому не мѣшали бѣжать и скрыться кандалы или бритая голова: обнаженный черепъ легко прикроетъ парикъ, или даже просто шапка; любые кандалы можно разбить въ пять минутъ, хорошенько ударивъ по кольцу дверью или полѣномъ и разбивъ заклепки; иногда достаточно бываетъ и простого сплюсненія кольца, чтобы ступня ноги свободно прошла черезъ него. Серьезно мѣшаютъ побѣгу только тюремныя стѣны и конвой.

Кандалы и бритые головы, несомнѣнно, имѣютъ въ виду одну только цѣль—надруганіе надъ достоинствомъ человѣка, лишеннаго правъ. Не въ столь отдаленную старину на лицахъ и плечахъ колодниковъ выжигались каленымъ желѣзомъ особыя клейма, и до сихъ поръ еще можно встрѣтить въ Сибири, въ каторжныхъ богадѣльняхъ и на поселеніи дряхлыхъ стариковъ, имѣющихъ эти ужасныя печати. Но современное просвѣщеніе запрещаетъ уже подобнаго рода варварство, находя его одной изъ разновидностей средневѣковой пытки; оставлены только кандалы и бритые головы... И нужно ли доказывать, что и это лишь своего рода уцѣлѣвшій пережитокъ? Можно ли не жалѣть, когда время отъ времени замѣчается на этотъ счетъ поворотъ въ сторону реакціи, издаются циркуляры о строгомъ и неукоснительномъ выполненіи закона, и арестантамъ начинаютъ снова по настоящему брить головы и надѣвать на ноги оковы? Припоминая свой личный опытъ, я могу, впрочемъ, сказать, что съ этими послѣдними мое внутреннее чувство гораздо легче мирилось, нежели съ бритьемъ: кандалы въ значительной степени опоэтизированы преданіемъ и народной пѣсней, они являются въ глазахъ арестантовъ своего рода почетомъ, а не поруганіемъ... Совсѣмъ иное чувство испытываешь, глядя на приготовленія солдата-цирульника къ своему отвратительному дѣлу. Бритье головы, кромѣ нравственной муки, причиняетъ еще обыкновенно и чисто-физическую боль: неумѣлыя руки и тупыя бритвы рѣжутъ до крови кожу на головѣ, расцарапываютъ на ней мелкіе прыщики, дѣлаютъ ссадины на естественныхъ неровностяхъ черепа... Кровь, смѣшанная съ обильно струящимся по головѣ грязнымъ мыломъ, совершающій свою операцию равнодушный и безмолвный палачъ, гримасы и вскрикиванья оперируемой имъ жертвы,—все это превращаетъ въ подлинную пытку тѣ минуты, когда приходится ждать своей очереди, чтобы

быть такъ же ошельмованнымъ и такъ же изувѣченнымъ. Не говорю уже о необходимости морозить потомъ голый черепъ во время ужасныхъ сибирскихъ холодовъ и схватывать, неизвѣстно чего ради, простуду, кашель и насморкъ.

Кандалы не разъ уже были подробно описаны въ русской литературѣ. На каждую ногу надѣваютъ по большому желѣзному кольцу, настолько свободному, чтобъ между нимъ и тѣломъ могло проходить бѣлье, и настолько тѣсному, чтобъ его нельзя было снять съ ноги, и кузнецы наглухо заклепываютъ ихъ. Отъ этихъ колецъ идутъ двѣ цѣпи, состоящія изъ маленькихъ колечекъ; онѣ сходятся въ одномъ болѣе значительномъ кольцѣ, къ которому прикрѣпляется ремень, замѣняющій арестантамъ поясъ. Такимъ образомъ самыя цѣпи висятъ и при движеніи хлопаютъ по ногамъ и ударяются другъ о дружку — «бряцаютъ», «лязгаютъ». Кольца, надѣтыя на ноги, вертятся и причиняютъ боль, для устраненія которой служатъ кожаные «подкандалники» и «поджилники». Въ Восточной Сибири, гдѣ начальство не такъ педантично, какъ въ Россіи, и арестанты носятъ кандалы только для формы, кольца надѣваются прямо на сапоги, и тогда никакихъ подкандалниковъ и поджилниковъ не нужно. Я давно уже не ношу кандаловъ и описать теперь достаточно ясно, пожалуй, не могъ бы, какъ умудряются арестанты надѣвать на ноги бѣлье и штаны въ томъ случаѣ, если кандалы не снимаются; однако, хорошо помню, что какъ только явилась необходимость въ этомъ, я отлично сообразилъ все безъ чужой помощи. Нужда научить калачи ѣсть...

Еще хорошо запомнился мнѣ день отъѣзда, или, лучше сказать, одна мучительная сцена, сопровождавшая этотъ отъѣздъ. Въ этотъ день мать не пустила ко мнѣ на свиданіе (прощаніе, какъ я рассказывалъ уже, происходило наканунѣ, въ день заковки). Рано утромъ меня посадили въ закрытую карету и помчали на станцію желѣзной дороги. И вотъ, тутъ увидѣлъ я нѣчто необычайное, что положительно растерзало мнѣ сердце. Подлѣ самага окна быстро мчавшейся кареты я увидѣлъ дорогое лицо, искаженное мукой нечеловѣческихъ усилій казаться веселымъ; я подумалъ сначала, что брежу, галлюцинирую... Заглядываю въ окно—и что же вижу? Моя мать—бѣдная, больная старуха,—съ раскраснѣвшимся лицомъ и выбившимися изъ-подъ шляпки жидкими прядями бѣлыхъ, какъ снѣгъ, волосъ, бѣжить рядомъ съ

каретой; бѣжить, не слыша подъ собой ногъ и видимо не ощущая усталости, что-то говорить и дѣлать рукой воздушные поцѣлуи... Бѣдняга! она опоздала къ тому моменту, когда меня сажали въ карету, потому что съ ранняго утра бѣгала хлопотать о свиданіи (наканунѣ ничего не могла добиться), и вотъ теперь ей хотѣлось искупить свой проступокъ («опоздала!») и еще разъ проститься съ безконечно любимымъ сыномъ. Я махалъ ей въ окно рукой (махалъ и сердитый охранитель мой), знаками умоляя остановиться, не мучить ни себя, ни меня; но долго еще бѣжала она, пока, наконецъ, тѣлесная немощь не одержала верхъ, и карета не умчалась навсегда! Тогда и я, помню, откинулся на спинку кареты и горько заплакалъ. Больше я не видалъ матери, да и никогда въ жизни не увижу, потому что давно уже спитъ она вѣчнымъ сномъ на одномъ изъ сырыхъ кладбищъ бездушнаго города. Но, уже находясь въ Сибири, я получилъ отъ нея письмо, одно мѣсто котораго неизгладимыми чертами врѣзалось въ моей памяти и теперь еще жжетъ сердце горячѣй всякаго огня, больнѣй всякихъ слезъ.

«Послѣ нашего свиданія у окна кареты,—писала она,—я взяла извозчика и поспѣшила на желѣзную дорогу. Но я пріѣхала туда, конечно, позже тебя, какъ ни погоняла несчастнаго Ваньку, и потому не могла увидѣть тебя, когда ты выходилъ изъ кареты. На платформу меня не пустили, какъ я ни просила, какъ ни молила жандармовъ. Пробраться туда тайкомъ также не удалось—за мной приказали слѣдить. Что было дѣлать? Я прибѣгла къ новой хитрости. Сдѣлавъ видъ, что примирилась съ судьбой и приняла рѣшеніе уйти совсѣмъ, я, выйдя изъ вокзала, вмѣсто того, чтобы отправиться домой, прошла нѣкоторое разстояніе медленными шагами и потомъ, быстро измѣнивъ направление, побѣжала въ поле, по рельсамъ, рассчитывая, что поѣздъ будетъ проходить мимо меня, и я, быть можетъ, еще разъ увижу милое личико... Дѣйствительно, мнѣ удалось обмануть бдительность аргусовъ; но, должно быть, я очень уже далеко зашла въ поле, и поѣздъ промчался мимо съ ужасающей быстротой, такъ что ни одного лица я не могла различить. Но я утѣшилась мыслью, что хоть ты, быть можетъ, видѣлъ меня... Я стала на возвышеніе, на камушекъ, и усиленно махала платкомъ, пока проносилось черное чудовище».

Увы! я никого и ничего не видѣлъ... Я не смотрѣлъ въ это

время въ окно, мнѣ никуда не хотѣлось глядѣть, даже въ собственную душу, гдѣ было такъ пустынно, такъ темно...

Дальше все рисуется мнѣ въ какомъ-то смутномъ и безпорядочномъ видѣ не имѣющихъ между собой связи обрывковъ. Къ счастью,—какъ я сказалъ уже,—везли меня въ особыхъ условіяхъ отъ уголовной партіи, и на этапахъ, вплоть до Иркутска, я помѣщался въ отдѣльной отъ нея камерѣ, съ политическими товарищами. Если бы не это, не знаю, какъ бы вынесъ я всѣ трудности дороги въ томъ болѣзненномъ состояніи, въ которомъ въ то время находился... На баржѣ у насъ была особая комната въ каютѣ и особое крошечное отдѣленіе на палубѣ (конечно, тоже съ рѣшеткой), гдѣ можно было дышать свѣжимъ воздухомъ. Отъ общей арестантской палубы оно отдѣлялось простымъ парусиннымъ брезентомъ. Помню, я очень любилъ сидѣть на палубѣ, особенно ночью, и по цѣлымъ часамъ вглядывался въ темные берега Волги и Камы, бѣжавшіе мимо. Помню, что эти уходившіе назадъ берега казались мнѣ собственнымъ моимъ прошлымъ, невозвратными годами молодости, и часто, вглядываясь въ темную даль, стоявшую позади, я вздрагивалъ при мысли, что никогда, никогда больше они не вернутся! Передніе же берега, закрытые брезентомъ, выдвигались только маленькими частицами, соразмѣрно съ движеніемъ баржи впередъ: эти берега отождествлялись въ моемъ больномъ воображеніи съ будущимъ, такимъ же, какъ они, неизвѣстнымъ. Днемъ я лежалъ обыкновенно въ каютѣ, забившись гдѣ-нибудь въ углу, и на палубу выходилъ очень рѣдко. Вотъ почему у меня не осталось ясныхъ воспоминаній о роскоши и прелести волжскихъ и камскихъ ландшафтовъ, которыми такъ восхищаются всѣ вольные и невольные туристы. Я любовался ими только ночью, при фантастическомъ освѣщеніи звѣздъ или луны.

Среди моихъ спутниковъ-интеллигентовъ, шедшихъ въ административную ссылку, я былъ одинъ, осужденный въ каторжныя работы; вотъ почему я сравнительно мало ими интересовался, хорошо понимая, что нахожусь въ ихъ средѣ лишь какъ временный гость; гораздо больше занималъ меня тотъ міръ, что скрывался тамъ, за брезентомъ, и вскорѣ долженъ былъ стать роднымъ мнѣ... Хорошо помню, что долгое время я страшно идеализировалъ уголовныхъ арестантовъ съ ихъ артельными нравами и обычаями. Они всѣ рисовались моему воображенію какими-то Стенками Ра-

зиними, людьми беззавѣтной удали и какого-то веселаго отчаянія... Среди маленькой кучки интеллигентовъ кандальный звонъ раздавался какъ-то жидко и прозачно; но тамъ, за парусиннымъ брезентомъ, гдѣ двигались сотни ногъ, звонъ этотъ имѣлъ въ себѣ что-то музыкальное, властное, чарующее... Цѣлые вѣка слышала этотъ звонъ матушка-Волга; въ немъ была передающаяся изъ рода въ родъ поэзія, стихійная, безыскусственная... Тамъ страдаютъ безъ гнѣва, безъ жалобы и надежды. страдаютъ, зная, что такъ и нужно, что иначе и невозможно: «Не взяла моя—значить, меня бей; а коли я опять сорвусь, такъ ужъ вы не прогнѣвайтесь!..»

Особенно такія чувства вызывали во мнѣ эти невѣдомыя арестантскія массы, когда по вечерамъ собирався ихъ могучій хоръ, и далеко по Волгѣ разносились, подъ музыку цѣпей, дикіе напѣвы, гдѣ слышалась то безконечная грусть, то вдругъ опять безшабашная отвага и удаля.

Полно, братъ, молодецъ,
Ты вѣдь не дѣвица.
Пей, пей—тоска пройдетъ!

Первая моя попытка ближе подойти къ этому поэтическому міру едва не стоила мнѣ, однако,—чего бы вы думали, читатели?—глаза!.. Однажды подъ вечеръ, выйдя на палубу, я подошелъ къ самому брезенту и прислушивался къ несвязному шуму и говору, доносившимся изъ большого отдѣленія. Вдругъ я замѣтилъ въ одномъ мѣстѣ парусины небольшое прорванное отверстіе, къ которому и поспѣшилъ припасть глазомъ, чтобы ознакомиться съ невѣдомымъ мнѣ міромъ. Но не успѣлъ я хорошенько разсмотрѣть море бритыхъ головъ и всевозможныхъ фигуръ современныхъ Стенекъ Разинныхъ, какъ чья-то грубая рука ткнула пальцемъ въ мое импровизированное оконце, и я только очень быстрымъ прыжкомъ въ сторону успѣлъ спасти любознательную часть своего тѣла. Больше я уже не осмѣливался подходить къ отверстію; это было первое мое разочарованіе въ этихъ людяхъ, среди которыхъ предстояло мнѣ столько лѣтъ жить, первое свидѣтельство того, какой крошечный адъ тьмы и ненужной злости, бессмысленной жестокости представляетъ этотъ таинственный міръ, какъ онъ чуждъ мнѣ, и какъ много я долженъ буду страдать, живя съ нимъ одною жизнью...

Въ Тюмени я впервые увидѣлъ лицомъ къ лицу огромную

партію арестантовъ на перекличкахъ, происходившихъ во дворѣ тюрьмы. Боже! какихъ только лицъ тутъ не было — отъ самыхъ симпатичныхъ и мыслящихъ до самыхъ отталкивающихъ и звѣроподобныхъ; какихъ не было національностей, какихъ именъ! Въ особенности характерны были имена бродягъ, составлявшихъ почти половину всей партіи: Иванъ Пострадавшій, Петръ Потерпѣвшій, Семенъ Много-горя-видѣлъ, Хвостомъ-на гору, Махнидраловъ, А я за нимъ, Непомнящій 32 лѣтъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе въ томъ же родѣ. Любимыми также фамиліями были: Алмазовъ, Бриллиантовъ, Львовъ, Орловъ, Соколовъ, Буринъ, Вѣтровъ, Скобелевъ, Гурко и т. п. громкія и гордыя имена.

Но, собственно, только съ Томска я начинаю помнить дорогу и всѣ ея впечатлѣнія довольно живо и отчетливо. Однако, спѣшу еще разъ напомнить читателю, что вѣхаль я хоть и вмѣстѣ съ партіей, но жилъ отдѣльной отъ нея жизнью. Я имѣлъ свою подводу, отдѣльное «дворянское» помѣщеніе, пользовался сравнительнымъ спокойствіемъ и комфортомъ. Въ довершеніе всего конвой и этапные офицеры обращались со мной и моими товарищами съ предупредительной вѣжливостью. Повторяю, что въ это время я былъ лишь дилетантомъ-каторжникомъ, и если, при всемъ томъ, дорога была для меня сплошнымъ кошмаромъ, то я боюсь даже и подумать о томъ, что пришлось бы мнѣ пережить, находясь на общемъ арестантскомъ положеніи!

II.

— Прежде всего—что такое этапный путь?

Представьте себѣ по всей линіи безконечнаго сибирскаго пути, который тянется отъ Томска до Стрѣтенска (средоточія Нерчинской каторги), т. е. на пространствѣ трехъ тысячъ верстъ, разбросанныя въ 20—40 верстахъ другъ отъ друга огромныя, мрачныя зданія съ рѣшетчатыми окнами, большею частью ветхія, осунувшіяся, вѣющія холодомъ, одиноко стоящія гдѣ-нибудь въ полѣ или на краю села, въ сторонѣ отъ большой дороги. Это и есть такъ называемые этапы—дорожныя тюрьмы, въ которыхъ отдыхаютъ и ночуютъ утомленные партіи. Точнѣе выражаясь, изъ двухъ такихъ тюремъ одна, поменьше, зовется полуетапомъ и только другая, побольше и почише,—этапомъ: при послѣднемъ

находятся казармы для мѣстной команды солдатъ, конвоирующихъ арестантовъ и квартира для офицера, неограниченнаго хозяина на пространствѣ двухъ и даже четырехъ подобныхъ тюремъ. На полуэтажахъ партія только ночуетъ, утромъ слѣдующаго дня снова трогаясь въ путь; придя на этапъ, она проводитъ слѣдующій день въ отдыхѣ, называемомъ поному «дневкою». Такимъ образомъ, каждый третій день проходитъ въ бездѣйствіи, и этимъ движеніе партіи, и безъ того небыстрое, страшно замедляется. Достаточно сказать, что пространство отъ Томска до Красноярска (500 верстъ) проходится въ мѣсяцъ времени, отъ Красноярска же до Иркутска (1,000 верстъ) въ два мѣсяца!.. Но уничтожить дневки и вообще двигаться быстрее при тѣхъ же условіяхъ—тоже немислимо. Нельзя забывать, что арестанты, истощенные долгимъ тюремнымъ заключеніемъ и обремененные цѣпями, въ своей тяжелой обуви и вѣтромъ подбитыхъ полушубкахъ, всѣ, кромѣ положительно больныхъ и увѣчныхъ, идутъ пѣшкомъ, и проходятъ въ день больше 30-ти верстъ круглымъ счетомъ, безъ отдыха черезъ два дня въ третій, были бы положительно не въ состояніи.

Не могу не сказать тутъ же нѣсколькихъ словъ объ арестантской одеждѣ. Сибирская администрація, ближе знакомая съ климатическими и другими мѣстными условіями, глядитъ сквозь пальцы на присутствіе у арестантовъ въ дорогѣ собственныхъ вещей. Я не говорю уже о томъ, что, помимо практическихъ соображеній, и простая справедливость требуетъ менѣе строгаго и формалистически-жесткаго отношенія къ арестантамъ, находящимся въ пути, только что начавшимъ свое многострадальное каторжное поприще и окруженнымъ всевозможными неудобствами и лишеніями; другое дѣло—послѣ прибытія на мѣсто назначенія, гдѣ жизнь имѣетъ прочныя устои, идетъ по разъ установленной колѣѣ. Въ Россіи чиновники не руководствуются, къ сожалѣнію, ни отвлеченными, ни практическими соображеніями и неукоснительно слѣдуютъ буквѣ инструкцій. Въ Москвѣ у меня отобрали *все свое* и отправили въ дорогу въ одномъ казенномъ одѣяніи, отнявъ даже иголку и нитки, и мнѣ пришлось страшно заблутъ, простужаться и вынести много не нужныхъ ни для кого лишеній и страданій. Казенныя вещи не приспособлены ни къ переменамъ погоды и климата, ни къ особенностямъ отдѣльныхъ индивидовъ; все подведено подъ одинъ ранжиръ—и ростъ, и здоровье,

и привычки,—тѣло, какъ и душа. Такъ называемые, напр., на-ушники казенной шапки оказались пришитыми такимъ образомъ, что лежали у меня на спинѣ, точно я былъ заяцъ, а не чело-вѣкъ; ноги мои, завернутыя въ жиденькія холщевыя онучки, то-нули, какъ въ бездонныхъ бочкахъ, въ бродняхъ-левіаѳанахъ, и я не могъ въ нихъ ходить по-человѣчески; напротивъ, узкія бродни съ трудомъ натягивались на ноги и немилосердно по-ролись по всѣмъ швамъ, треща при малѣйшемъ неосторожномъ движеніи...

Обыкновенно на партію въ четыреста чело-вѣкъ, имѣющую при себѣ столько же пудовъ багажу и изрядное количество ста-риковъ и больныхъ, дается 30—40 подводъ, половина которыхъ идетъ подъ багажъ («буторъ») и отправляется въ путь рано утромъ, еще до выступленія партіи. Остается около пятнадцати подводъ для больныхъ и слабыхъ. Ямщики пускаютъ на каждую подводку четырехъ и, только послѣ большой перебранки, пять чело-вѣкъ. Большинство мѣстъ занимается такими больными, право кото-рыхъ на сидѣнье никто не смѣетъ оспаривать, и только очень немного вакансій остается для слабосильныхъ, не могущихъ пройти пѣшкомъ всю 25—40-верстную дорогу. Эти мѣста берутся буквально съ бою, и часто видишь, какъ бѣжитъ сзади телѣги какая-нибудь безпомощная, жалкая личность, тщетно умоляю-щая «дать посидѣть» ей, а на телѣгѣ возвышается между тѣмъ нахальная фигура здороваго дѣтина, сильнаго кулакомъ, гор-ломъ и именемъ бродяги. Нужно прибавить къ этому, что рас-поряженіе свободными мѣстами на подводахъ составляетъ одну изъ статей дохода артельного старосты.

Бродяги, вообще, являются сущимъ наказаніемъ каждой партіи. Это люди по преимуществу испорченные, не имѣющіе за душой, что называется, пі foі, пі loі, но они цѣлко держатся одинъ за другого и составляютъ въ партіи настоящее государ-ство въ государствѣ. Бродяга, по ихъ мнѣнію, высшій титулъ для арестанта: онъ означаетъ чело-вѣка, для котораго дороже всего на свѣтѣ воля, который ловокъ, умѣетъ увернуться отъ всякой кары. Въ плутовскихъ глазахъ бродяги такъ и написано, что какой, молъ, онъ непомнящій! Онъ не разъ, молъ, бывалъ уже «за моремъ», т. е. за Байкаломъ, въ каторгѣ, да вотъ не захо-тѣлъ покориться—ушелъ!.. Впрочемъ, онъ и громко утверждаетъ то же самое, въ глаза самому начальству.

— Которой разъ идешь, борода? — спрашиваетъ какой-нибудь офицеръ съ добродушно-фамиллярной усмѣлкой.

— Пятый разъ, ваше благородіе, — отвѣчаетъ борода, становясь въ солдатскую позу: — два раза за море ходилъ, два раза въ Иркутскую, да вотъ теперь въ Енисейскую.

— Смотри, мошенникъ, въ шестой разъ пойдешь, — уличу!

— Радъ стараться, ваше благородіе, — отшучивается мошенникъ: — авось, къ тому времени и вы повышеніе въ чинъ получите — въ Якутскую переведетесь.

Партія хохочетъ, офицеръ, въ смущеніи, отходитъ въ сторону.

— Что вы съ такими бестіями подѣлаете? — обращается онъ въ сторону интеллигентовъ.

Каторжная часть партіи, особенно въ Западной Сибири, гдѣ бродяги составляютъ большинство, находится обыкновенно въ загонѣ; ихъ меньше, они безправнѣе, запуганнѣе, на нихъ, какъ бы по преимуществу, лежитъ печать отверженія, даже съ арестантской точки зрѣнія: не сумѣлъ, молъ, выкрутиться! А то и еще хуже: за сухари продалъ себя!.. Уваженіемъ пользуются только «вѣчные», да тѣ, про которыхъ навѣрно знаютъ, что они уже не въ первый разъ идутъ и опять сумѣютъ «сорваться». Но вообще каторжная часть партіи, по преимуществу, зовется презрительнымъ именемъ «кобылки» (сибирское названіе саранчи) и «шпанки» (стадо овецъ). Положительно отказываешься порой вѣрить тому, что рассказываютъ о продѣлкахъ бродягъ въ тюрьмахъ и по дорогѣ, а между тѣмъ не вѣрить нельзя — это неприкрашенные факты. Бродяги — царьки въ арестантскомъ мірѣ, они вертятъ артелью, какъ хотятъ, потому что дѣйствуютъ дружно. Они занимаютъ всѣ хлѣбныя, доходныя мѣста: они — старосты и подстаросты, повара, хлѣбопеки, больничные служители, майданщики, они все и вездѣ. Въ качествѣ старостъ, они не добавляют кормовыхъ, продаютъ мѣста на подводахъ; въ качествѣ поваровъ, крадутъ мясо изъ общаго котла и раздаютъ его своей шайкѣ, а несчастную кобылку кормятъ помоями, которые не всякая свинья станетъ ѣсть; больничные служители-бродяги морятъ голодомъ своихъ паціентовъ, обворовываютъ и часто прямо отправляютъ на тотъ свѣтъ, если это оказывается выгоднымъ. Узнавъ, что у кого-нибудь изъ кобылки есть деньги, зашитыя въ «опкурѣ» (въ поясѣ), они подкарауливаютъ его въ уединенномъ мѣстѣ, хватаютъ среди бѣлаго дня за горло и грабятъ. Дѣлаютъ еще болѣе